

люди искусства

Увлеченность

Галина МАРКИНА,
народная артистка БССР

Пусть не каждый вечер, не в каждом спектакле, но оно все-таки происходит — чудо «соединения» актерских и зрительских душ. Его рождение сложно, а иногда и мучительно трудно. О нелегком и радостном пути в поисках этого вечно живого чуда, о творческой судьбе одного из интереснейших актеров Витебского академического театра им. Якуба Коласа, народном артисте БССР Владимире Кулешове — моем давнем партнере — мне и хочется рассказать.

Мы работаем вместе уже семнадцать лет, прожили на сцене, кажется, всю гамму человеческих взаимоотношений — от нежной любви в «Варшавской мелодии» до полной непримиримости в «Шестом июля».

Идет «Кастусь Калиновский». В спектакле занята почти вся труппа. Поэтическая пьеса В. Короткевича — о рыцаре свободы, 26-летнем руководителе восстания против царизма. Калиновский — Кулешов. Вот он идет по коридору — высокий, красивый. На несколько мгновений останавливается перед дверью, ведущей на сцену, сейчас он откроет ее, и уже случится маленькое чудо: по эту сторону двери еще Кулешов, а по ту уже Кастусь Калиновский. Спектакль идет нечасто, и каждый раз В. Кулешов волнуется так, как на премьеру, и на каждом спектакле я вижу, как актер все еще ищет своего героя, как обостряет он характер этой легендарной фигуры.

Такие роли — подарок для актера. Но надо сказать, что актерская судьба такими подарками баловала его довольно часто. Он пришел в театр и сразу начал с большой роли, сыграл Максима в спектакле «Чти отца своего». Первая роль — и первая удача. Конечно, немалую роль в успехе сыграли данные молодого актера: красивое, волевое лицо, рост, голос, обаяние. В молодом В. Кулешове как бы уже была заложена зрелость и определенность характера. Такого актера давно ждали в театре, и роли плана «социального героя» буквально посыпались на него. Судьба складывалась на редкость счастливо. Леонидик («Мой бедный Марат»), Эдмон («Король Лир»), Аскольд («Четыре креста на солнце»), Иоган Вайс («Щит и меч»)...

Через четыре года после окончания института ему было присвоено звание заслуженного артиста БССР. Было признание, был шум-

ный успех, но... вместе с успехом пришло и то, что нередко случается: началось использование сложившегося сценического образа, повторение опробованных приемов, стали возникать роли-двойники. Исчезло живое чудо театра. Чувствовал ли это, понимал ли это сам актер? Да, признается В. Кулешов, понимал, чувствовал, но сам уже не мог разорвать этот круг, нужен был толчок извне — новое, иное режиссерское видение актера. Тогда в репертуар театра была взята инсценировка романа теперь широко известного белорусского писателя А. Адамовича «Война под крышами». Работал над спектаклем режиссер Юрий Борисович Щербаков, и неожиданным для всего театра (мы, к сожалению, быстро привыкаем к стереотипам) на роль труса и предателя Казимира Жигочного был назначен В. Кулешов. Первой реакцией актера было недоумение и даже обида (по признанию самого В. Кулешова) — «Я — и Казик!» — полный антипод привычных образов. Но он ведь уже тогда понимал, что давно пора искать в себе новые актерские качества, новые краски.

Владимир Кулешов сыграл Казика неожиданно для всех остро, безжалостно к своему герою. Стала безвольной и мешковатой стройная фигура, от вечного страха голос (куда девался прежний «бархат!»), тусклый, полудушенный, срывается в истерику на какой-то пороссячий визг.

После этой роли В. Кулешов заявил о себе как об интересном, острохарактерном актере, у которого как бы открылось второе дыхание, и роли в привычном для него плане стали объемнее, многограннее. Он так же много играет, но теперь рядом со строгим, стремительным Дзержинским в «Шестом июля» М. Шатрова появился шалопай Анзор в «Не беспокойся, мама!» Н. Думбадзе. А рядом с обаятельным, темпераментным Бенедиктом в шекспировском «Много шума из ничего» опухший от пьянки, тоскливо и жадно ждущий «угощения» Вовка-Никотин в «Сталевахах» Г. Бокарева (эпизод, сыгранный актером с пронзительным драматизмом). В ряду характерных ролей одна из самых интересных — образ простого человека в «Энергичных людях» В. Шукшина. Небритый, сумрачный, с каким-то детским недоумением

смотрит он на компанию своих друзей. Он их презирает, он знает, чем это все кончится, и в душе боль и досада, что он среди них, но... он с ними. Не стаяжатель, не хапуга, как они, он тоскует еще по своей деревне, по своей хате, где «сказки друг другу рассказывали», но — вот поди ж ты! — плывет по течению вместе с «теплой» компанией энергичных жуликов. А может, остановится и плюнет на все это и уйдет? Нет, еще не совсем пропавший этот простой человек, еще не все для него потеряно. И этой надеждой он неожиданно становится симпатичным.

Так постепенно утверждал себя В. Кулешов как зрелый мастер, идя от одноголосия к полифонии, расширяя свой творческий диапазон. С такой ролью, как Кунцевич в «Колоколах Витебска», актер столкнулся впервые, до нее он в таком плане ничего, пожалуй, не играл. Невероятно трагическая судьба человека, призванного Римом «огнем и мечом» насаждать на Белой Руси чуждую веру, ставшего палачом своего народа и прозревающего перед самой смертью, приняв ее как справедливую кару за свое предательство. В. Кулешов сыграл неизбежность нравственной гибели героя, предавшего свой народ. Сыграл глубоко, сложно, создав характер противоречивый и трагический.

И вот встреча с Брехтом. Надо сказать, что актер приобрел солидный багаж, играя в классической драматургии. Герои комедий «палца и шпаги», работы в шекспировских спектаклях, в русской классике. Но Брехт — иная драматургическая стилистика, она требует четкой очерченности характера, страстной публицистики, темпераментной мысли. В. Кулешов играл Повара в «Матушке Кураж» с каким-то ожесточенным азартом, радостным возбуждением, которое рождало на каждом спектакле импровизационность, делало характер брехтовского героя живым, ярким, острым и четко работающим на основную мысль спектакля. Быть его партнершей в этом спектакле было подлинным наслаждением!

В последних работах Владимира Кулешова четко определилось главное в его даровании — не просто создать достоверный характер, но и обнажить суть этого характера, проследить развитие образа, показать нравственное мужание своего героя. Особенно интересна работа актера в роли Шаманова («Прошлым летом в Чулимске» А. Вампилова). Когда наблюдаю за ним в этом спектакле, мне всегда кажется, что в Шаманове Кулешов играет что-то очень свое, личное, хотя в судьбе актера нет никаких аналогий с жизнью его героя. Но этот поиск нравственной сути человека играет с пронзительной самоотдачей и глубиной.

Ответственной была встреча актера с образом Ленина в спектакле «Синие коны на красной траве» М. Шатрова. Тут надо было объединить усилия и творческие, и нравственные, и интеллектуальные. Не все еще сделано, не все черты этого огромного, объемного характера переданы актером. Но есть глубина ленинской мысли, ощущение огромной ответственности за дело революции. Работа над ленинским образом, мне кажется, сделала строже и ответственнее самого актера. Он как человек стал собраннее, глубже, значительнее.

Немалую роль в становлении мастерства В. Кулешова сыграла и встреча с кинематографом. Последние годы актер много и разнообразно работает на «Беларусьфильме». По-прежнему много работает и в театре. Он еще молод, ему только сорок, пришло время творческой и человеческой зрелости. Коммунисты Театра им. Я. Коласа выбрали его своим вожаком. Счастливо одаренный природой, он пришел к подлинно творческому успеху через преодоление самого себя, своих ошибок и неудач.

Не случайно выбрал себе дорогу в искусство бывший студент Волгоградского педагогического института, народный артист БССР Владимир Кулешов.

Народный артист БССР
Владимир Кулешов.

Фото С. Кохана.